

Бийские епархиальные ведомости

№9 (81) (сентябрь) 2026

Издается по благословению Преосвященного Серафима, епископа Бийского и Белокурихинского

АРХИЕРЕЙСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

«Сия есть заповедь моя...»

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15, 13)

22 августа на территории Успенского кафедрального собора города Бийска состоялось освящение поклонного креста в память о погибших воинах Специальной военной операции. Чин освящения совершил епископ Бийский и Белокурихинский Серафим. Преосвященному владыке сослужили: секретарь Бийской епархии протоиерей Валерий Замятин, ключарь Успенского собора протоиерей Александр Петров, руководитель епархиального отдела по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными органами протоиерей Димитрий Камбалин, протоиерей Владимир Ащеулов, иерей Сергий Терещенко, иерей Евгений Перов, иерей Евгений Капп и иеромонах Никита (Москаленко).

По окончании богослужения правящий архиерей обратился ко всем собравшимся с архипастырским словом: «Сегодня мы с вами совершили освящение поклонного креста в память о погибших воинах Специальной военной операции. Путь к установке этого креста был непростым. На месте, где он сейчас находится, давно предполагалось установить крест, и вот сейчас это произошло. Родные и близкие павших воинов смогут теперь прийти сюда, побывать в тишине возле храма Божия и помолиться. Благодарю всех, кто принимал участие в изготовлении и установке креста: финансово, своим трудом или молитвой. Это лишь малая толика того, что мы можем сделать в память о наших отцах, братьях, сыновьях, внуках, пожертвовавших своей жизнью. Но мы можем сделать и большее, ведь самое главное для усопших – молитва. Молитва – это проявление жертвенной любви к человеку! Она должна быть сопряжена с помощью окружающим нас людям. В основу молитвенного подвига необходимо положить изменение своей жизни по заповедям Божиим. И тогда мы будем постепенно меняться, и наша молитва непременно будет услышана Богом».

В завершение епископ Серафим вручил Благодарственное письмо за труды по установке поклонного креста руководителю инициативной группы Валентине Андреевне Шмаченко.

К подвигу защиты своего Отечества призван всякий христианин и любой сознательный гражданин страны. Ратный подвиг всегда считался на Руси святым, ибо берет он свое начало от непреложных слов Господа Иисуса Христа: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам» (Ин. 15, 12–14). Этот великий подвиг Русская Православная Церковь приравнивает к мученическому, потому что основан он на Евангельской жертвенной Христовой Любви.

Вечная память всем воинам-землякам, павшим на полях сражений Специальной военной операции!

Награждение Валентины Андреевны Шмаченко. 22 августа 2026 г. Фото Сергея Доровских

Без страха смерти

Самый очевидный пример торжества над смертью видим мы в Пречистой Матери Господа. Она склонилась в гробе только для краткого отдохновения плоти. Говорим «для краткого» потому, что, по свидетельству предания, на третий день после Ее смерти уже не найдено в гробе пречистого тела Ее – оно воскрешено и взято было на небо, где вместе с душой стало наслаждаться блаженством небесным.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Собор архипастырей в Успенском кафедральном соборе города Бийска. 28 августа 2026 г. Фото Сергея Доровских

Святой кронштадтский пастырь называет Пресвятую Богородицу благосерднейшей Владычицей всех сынов и дщерей человеческих, Дщерью Бога Отца, Который есть Любовь, Матерью Бога-Слова, избранной Невестой Духа Всесвятого, Иже есть Любовь, единодушная Отцу и Слову. «Как не прибегать к такой Владычице и не чаять от Нее всех благ духовных?!» – восклицает праведный отец Иоанн.

Во все времена прибегали к Ней в нашем Отечестве Ее верные чада и прибегают поныне. 28 августа, в праздник Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, в Успенском кафедральном соборе города Бийска в сослужении духовенства Бийской епархии совершил Божественную литургию собор архипастырей.

Разделить радость от главного престольного праздника с Преосвященным Серафимом, епископом Бийским и Белокурихинским, в наш город прибыли: Высокопреосвященный Сергий, митрополит Барнаульский и Алтайский, Высокопреосвященный Каллистрат, архиепископ Бежецкий и Удомельский, и Преосвященный Роман, епископ Рубцовский и Алейский.

По окончании Божественной литургии митрополит Сергий и епископ Серафим поздравили всех собравшихся на богослужение с праздником Успения Пресвятой Богородицы. После вручения епархиальных наград по традиции престольного праздника был совершен крестный ход вокруг Успенского собора. После него состоялся праздничный концерт.

«Братья, что это значит, что Церковь кончину Божией Матери называет не смертью, как обыкновенно мы называем кончину людей, а успением или, что все равно, упокоением или мирным сном, и не только не скорбит, не плачет при гробе Ее, а, напротив, поет радостные, торжественные песни Ее исходу? – задается вопросом праведный Иоанн Кронштадтский. – То, что Преблагословенная Матерь Господа в самом деле не умерла, как обыкновенно умирают люди, а как бы уснула ненадолго мирным сном после тяжких скорбей жизни и что гроб Ее, бывший для Нее дверью к Небесному Царствию, скрывает в себе много радости для христианина; из этого гроба, как и из гроба воскресшего Господа, веет и на нас небесным нетлением, или лучше сказать – этот гроб непреложно обещает и нам бессмертие по душе и нетление по телу, истребляя в нас страх смерти».

АРХИЕРЕЙСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Путеводительница

Продолжение. Начало в № 8, 2026

Все ли вы, возлюбленные братия, всегда усердно молитесь Богоматери? Если кто-нибудь из вас не молится Ей или молится не от всего сердца, тех умоляю с нынешнего же дня начать молиться Ей со всем усердием, ибо Владычица есть скорая Заступница для всех христиан, прибегающих с верою к Ее покрову и предстательству, – никого Она не чуждается, никем не пренебрегает; чтобы сподобиться Ее заступления, нужны только вера твердая в силу Ее молитвы и собственная смиренная искренняя молитва.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Смоленская икона Божией Матери, празднично убранная в престольный праздник. Храм Смоленской иконы Божией Матери. 10 августа 2025 г.

Православный приход села Смоленского – один из тех приходов Бийской епархии, которые находятся в постоянном фокусе внимания нашего правящего архиерея. Преосвященный Серафим, прибывший в Бийск в Прощеное воскресенье 2019 года для управления Бийской епархией, в Неделю 3-ю Великого поста, 31 марта, уже совершал Божественную литургию в храме Смоленской иконы Божией Матери. С той поры владыка Серафим – частый гость в Смоленском райцентре. Кроме престольных праздников и иных богослужений, епископ Бийский и Белокурихинский Серафим не раз посещал смоленский приход с рабочими визитами.

Не стало исключением празднование Смоленской иконы Божией Матери и в этом году. С рассказа о богослужении, состоявшемся в Смоленском 10 августа, начался предыдущий выпуск рубрики «Архиерейское служение». В этой публикации была изложена краткая история смоленского прихода, основанная на сведениях, полученных из «Ведомости о церкви Одигитриевской Бийского округа села Смоленского за 1870 год».

Никакой рассказ о приходе невозможен без рассказа о его причте и прихожанах. Клировая ведомость 1870 года содержит весьма подробные

Епископ Бийский и Белокурихинский Серафим преподает Святые Тайны. Храм Смоленской иконы Божией Матери. 31 марта 2019 г.

сведения о священниках, диаконе и псаломщиках Одигитриевской церкви.

Старший священник, он же настоятель прихода – Павел Васильевич Митропольский родился около 1835 года: согласно ведомости, ему – 35 лет (*на 1870 год. – ред.*). «Священнический сын; по окончании курса в Тобольской семинарии был уволен с аттестатом первого разряда (*с отличными оценками и поведением. – ред.*). 1856 года 1 октября Преосвященнейшим Парфением, епископом Томским и Енисейским, рукоположен во священника Бийского округа Верхне-Каменского села к Покровской церкви. 1861 года 6 августа при обозрении означенной церкви Преосвященнейшим Порфирием, епископом Томским и Семипалатинским, за весьма усердное служение Церкви и назидательную жизнь награжден набедренником [1]. 1863 года указом Томской духовной консистории от 9 августа за № 2877, по прошению его, определен был Старо-Тырышкинского села к Николаевской церкви. 1864 года указом оной же консистории от 28 августа за № 2574 по предложению Преосвященнейшего Порфирия, епископа Томского и Семипалатинского, определен на настоящее место. Указом Томской духовной консистории от 29 декабря 1867 года за № 7525 определен учителем в Смоленское приходское училище. Указом той же консистории от 23 января 1868 года за № 304

Преосвященный Серафим перед совершением чина освящения нового накупольного креста храма Смоленской иконы Божией Матери. 24 октября 2020 г.

назначен благочинным над 2-м благочинническим участком церквей Бийского округа. Должность сию проходил до 11 ноября 1869 года. В настоящем году резолюцией Его Преосвященства от 30 апреля утвержден на должность сотрудника Томского епархиального попечительства. За отличную ревностную службу удостоен благословения Святейшего Синода в 1869-м и сем, 1870 году, в удостоверение чего выданы из Томской духовной консистории свидетельства от 23 мая 1869 года за № 2167 и от 15 сентября сего года за № 3239. Грамоту, переводные указы и свидетельство на право ношения набедренника имеет.

В семействе имеет жену Александру Васильеву (32 года); детей: Михаила (7 лет), обучающегося чтению по-русски; Марию (11 лет), обучающуюся чтению и письму по-русски; Агнию (1 год)».

В ведомости отмечено, что отец Павел «чтение, пение, устав и катехизис знает весьма хорошо» и «поведения весьма хорошего».

В графе «Кто кому, в каком родстве» записано: «Вдове, священнической жене Параскеве Сахаровой – сын».

В разделе клировой ведомости «Сиротствующие» содержатся весьма интересные сведения о родителях отца Павла Митропольского. Текст раздела необходимо процитировать:

«Вдова, священническая жена Параскева

Владыка Серафим совершает Божественную литургию. 10 августа 2019 г.

Настоятель храма Смоленской иконы Божией Матери иерей Алексий Штык († 2025). 24 октября 2020 г.

Гавриловна Сахарова, 64-х лет (*мать Павла Васильевича Митропольского. – ред.*). Муж ее Василий Иосифов Сахаров (*отец П.В. Миропольского. – ред.*) [2] служил 17 лет диаконом при Георгиевской церкви села Упозево Козельского уезда Калужской епархии и 9 лет священником: при Преображенской церкви в селе Сосновском остроге Томского округа, потом при Михаило-Архангельской церкви села Зеледеевского и, наконец, при Михаило-Архангельской церкви села Легостаевского…»

Иван Литвинов
Фотографии Сергея Доровских

Продолжение в рубрике «Наша история» в следующем номере

От редакции.

[1]. Совсем недавно, в № 4-5 «Бийских епархиальных ведомостей» за 2026 год, автор рубрики писал об истории Покровского прихода села Алтайского (исторически – Верхне-Каменского Бийского округа):

«Церковь заложена 1857 года 24 июля Его Преосвященством, Преосвященнейшим Парфением, епископом Томским и Енисейским, вместо сгоревшей с 14 на 15 число декабря 1856 года, а освящена 1860 года августа 15 числа благочинным, села Красноярского Покровской церкви священником Лаврентием Невским».

Теперь можно с уверенностью сказать: эти события произошли при священнике Павле Митропольском, назначенном после его священнической хиротонии 1 октября 1856 года (ст. ст.) в Покровскую церковь села Верхне-Каменского. Вот так архивные документы одного прихода могут пролить свет на историю других приходов современной Бийской епархии!

[2]. Очевидно, фамилию «Митропольский» Павел Сахаров получил в годы учебы в Тобольской духовной семинарии. Произошло это, скорее всего, в период руководства семинарией ректором, «усерднейшим профессором» архимандритом Паисием (Пылаевым), который возглавлял учебное заведение с 1854 по 1862 годы.

Вот что о практике смены фамилий в духовных учебных заведениях России пишет кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Омской духовной семинарии Светлана Владимировна Никитина:

«Практика давать церковнослужителям искусственно созданные фамилии сложилась в XVIII веке и продолжалась около двух веков. Обычно вместо наследуемой от отца фамилии ученик духовной семинарии получал новую, «придуманную», в качестве награды или наказания. Впоследствии дети священников наследовали эти фамилии, тем самым давая им возможность распространения и закрепления в русской ономастической традиции».

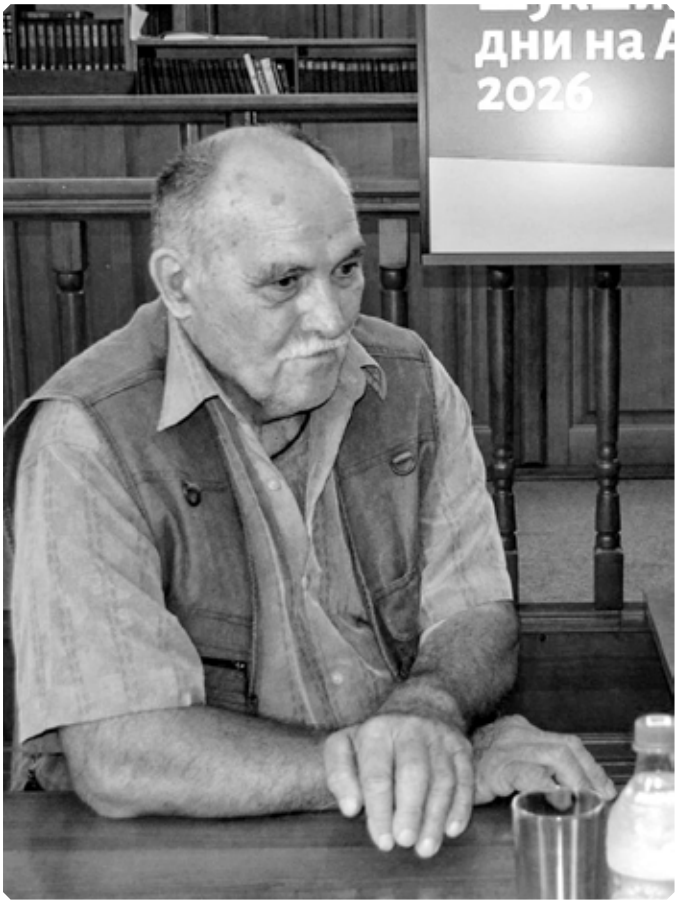

Тобольская духовная семинария с храмом святителя Димитрия Ростовского.
Источник изображения: https://sobory.ru/

ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

Александр Можаев

Раб Божий Иван Ильич

Писатель Александр Можаев. 24 июля 2026 г. Источник изображения: https://www.shukshinka.ru/

Дядю Ивана, которого в хуторе уважительно называли по отчеству Иваном Ильичом, помню с раннего детства. Был он троюродным братом моего отца, служил на Северном флоте в каком-то большом звании, и все, знавшие его, пророчили ему адмиральские погоны. Когда он приезжал на побывку, высокий и стройный, в парадном морском кителе с тремя золотыми нашивками на рукавах, – всегда приходил к нам, одаривал меня конфетами и до поздней ночи на открытой веранде просиживал с моим отцом.

Потом дядя попал в какую-то жуткую историю. Говорят, что на подлодке, которой командовал Иван Ильич, случилась страшная авария. Две недели они лежали на дне. Многие из экипажа погибли, и тогда не ходивший в церковь и не знавший никогда ни единой молитвы Иван Ильич начал молиться своими, придуманными молитвами. И дал он в те минуты зарок Господу, что если спасется, посвятит Ему всю оставшуюся жизнь. Неведомо, то ли Господь услышал его молитвы, то ли так повезло, но Иван Ильич был один из немногих, кому удалось спастись. Авария не прошла даром, скоро его комиссовали, он вернулся в хутор и поселился в заброшенном дедовском флигельке, через две усадьбы от нас.

Жизнь его круто изменилась, он отрастил бороду, отказался от пенсии и пособий. Даже внешне он стал другим. Куда подевалась его прежняя выправка: в одночасье фигура его стала обыкновенной и даже в чем-то несуразно скроенной. Мне он уже не казался таким высоким и статным, как в былое время. Напрочь исчезли прежде присутствовавшие на лице волевые и даже надменные складки, стал он улыбчивым, и глаза его лучились для каждого добрым приветливым светом. Идет Иван Ильич по хутору, шепчет псалмы, кланяется каждому встречному, желает здоровья, а иного и наставляет:

– Вина бойся – лукавое. На своей шкуре познал. Спасибо Господу – уразумил…

«Уехала крыша – пропал человек…», – говорили про него в хуторе.

В то время церкви поблизости не было. Древний Крестовоздвиженский храм, в котором меня крестили, местные начальники разобрали на коровник, и Иван Ильич ездил на велосипеде за двадцать верст в Киселеву Балку – ближайшее от нас святое место. Лишь завидев его, я выбегал из двора и, хватаясь за багажник дядиного велосипеда, канючил:

– Дядь Ваня, покатай меня.

– Я далеко еду, – притормаживая, говорил Иван Ильич.

– Покатай далеко.

– «Отче наш» будешь петь – покатаю… – весело лучатся его глаза.

«Отче наш» я выучил быстро и, хотя кое-где еще спотыкался, пел легко. Вот «Символ веры», с его мудреными, непонятными мне словами, давался тяжело.

– Буду! – обещаю я.

– Тогда беги, отпросись. А то кинутся, а тебя нет – переполоха наделаешь…

С дядей меня всегда отпускали.

Иван Ильич сажал меня на раму, так, что я мог держаться за руль, мы переходили вброд Деркул и долго ехали под горой по пыльной, белесой от мела, дороге. Потом козьими тропками забирались на гору. Там Иван Ильич знал другую, почти неезженую полевую дорогу. Ехали по знойной степи среди тускло сияющих своими колосьями ячменей. Иван Ильич пел какие-то красивые псалмы, а я, склонив на бок голову, неотрывно смотрел, как убегает под колесами земля, и слушал, как, аккомпанируя дяде, звенит в вышине жаворонок.

Но вот и окончен наш путь. Из душной и знойной степи мы спускаемся в Киселеву Балку, поросшую высоким, почти непроглядным лесом, и оказываемся в чудном оазисе, в котором даже воздух иной – густой и прохладный. Два чистых ручья, пока не сольются воедино, бегут параллельно друг другу. В одном вода с кислинкой, в другом солоноватая.

Став на колени и отвешивая поклоны, Иван Ильич долго молится, потом умывается в одном и другом источнике, плещет на меня воду и при этом ликует, как дитя.

– Слышишь, как Ангелы поют?! – глаза Ивана Ильича горят от восторга.

Я слышу лишь шелест листвы, звонкие пощелкивания соловья, тонкое попискивание королька и дребезжащий перезвон крапивника и согласно киваю головой.

Часто у источников мы встречаем других, досель не знакомых мне людей, которые, как мне казалось, удивительным образом были похожи на Ивана Ильича: тот же добрый радостный взгляд, та же улыбка в губах. И даже внешне, складом своих фигур, несуетливой походкой они походили друг на друга. Иван Ильич кланялся им при встрече, и они также склоняли пред ним головы.

– А почему тут святое место? – спрашиваю я.

– Матерь Божия посещала его, – просто объясняет Иван Ильич и, поразмыслив с минуту, рассказывает древнюю дивную историю про то, как в одном из здешних хуторов жила бедная семья и была у них слепая девочка.

– Девочка в тягость была им, и решили они от неё избавиться, – продолжал он рассказ. – Поплакали над ней да и отвели ее сюда, в эту балку, на смерть. Села девочка у ручья, молится и плачет. День молится и плачет, второй, третий день – всё плачет и молится, и звери не смели трогать ее. Услышала моления девочки Матерь Божия и явилась пред ней. Зачерпнула ладонью воды из ручья, омыла девочке личико и утерла платом Своим. Девочка враз и прозрела. С тех пор вода в ручье, где Матерь Божия омывала девочке слезы, – солоноватая. Почему в другом ручье вода кисловатая, Иван Ильич не пояснил.

– А родителей тех Матерь Божия наказала? – спрашивал я.

– Они и без того себя наказали… – непонятно отвечал он.

Перед тем, как ехать домой, Иван Ильич приказывает:

– Читай «Отче наш».

Спотыкаясь на незнакомых словах, читаю молитву.

– Молодец! – хвалит Иван Ильич. – А теперь – Символ веры.

– Символ веры не буду… – упрямлюсь я.

– Тогда оставлю тебя здесь, – грозится Иван Ильич. – Будешь тут кукарекать, пока Божия Матерь не явится за тобой. А без Символа веры Она навряд ли явится…

– Давай вместе… – прошу я.

Иван Ильич идет на компромисс: мерно раскачивая головой, читает молитву, а я лишь не в такт подпеваю ему.

Скоро Иван Ильич перебрался в Луганск. Отец Никодим взял его к себе пономарем, поселил в крохотной сторожке при храме и после службы подкармливал в трапезной. В дни, когда не было служб, Ивана Ильича тянуло в родные края. Придет на автостанцию, просит водителя:

– Добрый человек, подвези меня до хутора.

На автостанции его давно все знают.

– А деньги есть? – спросит водитель.

– Деньги – зло, – кротко отвечает Иван Ильич. – Подвези во Славу Божию.

Иногда его подвозили, но чаще отвечали:

– Во славу Божию иди пешком.

Иван Ильич кланялся и безропотно шел пешком. Флигелек его давно развалился, и он приходил ко мне.

– Как же ты, Иван Ильич, ходишь такое расстояние? – удивлялся я. – Тут же пятьдесят верст, не меньше.

– Напрямки – ближче, – возражал Иван Ильич. – Это разве расстояние… Люди в прежние времена пеши в Лавру ходили. Что там Лавра – в Ерусалим! А тут делов-то: утром вышел – к ночи на месте!..

– Так это ж весь день!..

– А куда спешить?..

– Ты вот, Иван Ильич, дурака свалял, – сейчас бы пенсию получал… – укоряю я. – Жил бы себе беззаботно…

– А мне и без того, – какие заботы?.. Одна забота – Богу служить, – для этого денег не надо.

– Сейчас без денег не проживешь…

– Нашто они мне? Деньги – зло…

– Зло не зло, а кушать что-то нужно…

– Мне в церкви просфорочку дадут, и слава Богу – жив, – просто возражает Иван Ильич.

Церковные старушки жалели Ивана Ильича. Зная, на что он обрек сам себя, приносили ему то пирожки, то хлеб, то еще какую-нибудь снедь, и, чтоб не обидеть его подаянием, обязательно приурочивали свои приношения к памяти своих близких. «Вот тебе, Иван Ильич, – помяни мою маму, сестру, брата…» – тем он и был жив.

К приходу Ивана Ильича мы накрываем стол, зовем его ужинать. Иван Ильич неспешно приглаживает волосы, поклонившись иконам, читает «Отче наш», затем, оборотясь к столу, крестит пищу и поет:

– Господи Иисусе Христе, Боже наш, благослови нам пищу нашу молитвами Пречистыя Твоея Матери…

Как бы ни был голоден Иван Ильич, просит, чтоб много ему не накладывали, и ест он неспешно. А после ужина обязательно пропоет с поклонами:

– Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ…

Потом робко попросит:

– Ты бы, Сань, отвез бы меня завтра в Киселеву Балку, хочу на Крещение омыться в купели.

Мне лень заводить по морозу машину, и я начинаю его отговаривать:

– Иван Ильич, зачем тебе переться в ту даль? Сейчас на Крещение все водоемы освящены. В Деркуле окунешься…

– Ну, тогда я пеши пойду… – без тени обиды говорит он.

В Киселевой Балке, там, где сливаются воедино святые источники, построена купель. Сейчас здесь всегда многолюдно. Ожидая своей очереди, прежде чем погрузиться в воду, Иван Ильич, не скрывая слез счастья и отвешивая во все стороны поклоны, громко молится. Войдя в воду, крестится и, в отличие от других, окунается неспешно, словно растягивая удовольствие. Выходит из купели радостный и счастливый и не спешит отереться даже в стужу.

– Окунись и ты, – предлагает мне.

– Нет, Иван Ильич, – поеживаясь, говорю я. – Околею, кто тебя назад повезет…

– Это ты, Сашка, боишься оттого, что вера твоя слаба… – говорит без укора – с сожалением.

До войны хоть и были на границе препоны, но Иван Ильич всякий раз счастливо обходил их. С началом войны на Донбассе, когда установилась прочная линия фронта, ходить без документов было немыслимо. Пришел он к отцу Никодиму, начал просить:

– Помоги, батюшка.

– Чем же тебе помочь, Иван Ильич?

– Хочу, батюшка, сходить на престол в хутор, а документа у меня никакого нет. А там война, – строго…

– Как же я тебе помогу? Я же не ЗАГС. Мог бы за тебя похлопотать, так и ЗАГСы сейчас не работают…

– Мне ЗАГС не нужен, те документы я не признаю. Ты мне свой напиши…

– Что же я напишу?

– Ну, подтверди, что я такой и такой – раб Божий…

Вздохнул батюшка Никодим да и выдал чудную справку: «Сей есть раб Божий Иван Ильич…» Свои слова храмовой печатью подкрепил.

Идет Иван Ильич, у моста через Донец – блокпост ополченцев.

– Паспорт, дедушка.

– Вот он, мой «паспорт»… – подает написанную Никодимом бумагу.

Прочитали ребята «документ», смеются.

– Это не паспорт, дедушка.

– А у меня только такой. Другого нет и не будет. Пустите ради Христа, а то я к престольному дню опоздаю…

– Нам не жалко, дед, – мы пропустим, да тебя ж там укры арестуют…

– На всё воля Божия, – кланяется Иван Ильич и идет дальше.

Только перешел через Донец – блокпост ВСУ.

– Документы!

– Вот мой документ, – отвечает Иван Ильич и подает свою справку.

– Ты что нам суешь?! – выпучив глаза, орет украинский сержант.

– Документ… Вы ж просили… Отец Никодим выдал.

– Ты нам документ, выданный властями, давай!

– А какая власть выше Бога? – вопросом отвечает Иван Ильич. – Вот. Тут всё про меня сказано…

– Ты, дед, дурак или прикидываешься?

– Ни на кого я не кидаюся… Иду в свой родной хутор на престольный праздник. Вот документ…

– Ну что с ним будем делать?.. – спрашивает сержант. – В комендатуру отправим?..

– А там с ним что делать? – говорит старшина. – Дурки сейчас закрыты, вот пациенты и шалаются здесь…

– Дед, мы тебя пропустим, но дальше будут стоять такие хлопцы, что хрен проскочишь. Посадят тебя в подвал, и будешь сидеть, пока не прокиснешь. Так что, возвращайся, пока мы добрые…

– На всё воля Божия, – кланяется Иван Ильич и идет дальше.

Подходит к следующему посту. Тут уже всё пожестче.

– Кто такой? Куда идешь?..

– Раб Божий Иван Ильич. Иду на престол…

– Да ты что, скотиняка, смеяться над нами надумал? – и оплеуха Ивану Ильичу в левое ухо.

Поднялся Иван Ильич на ноги, потер ухо, отряхнул из бороды пыль.

– Ничего я, добрые люди, не смеюсь… Некогда мне смеяться – на престол опаздываю…

– Мы тебя сейчас в каталажку посадим, будет тебе там «престол»!..

– На всё воля Божия, сажайте, – соглашается Иван Ильич.

Посадили его под замок, начальство ждут. Вот приехал к вечеру старший.

– Что тут у вас?

– Да вот, дурака без документов повязали.

– Просится?

– Нет. Псалмы поет… Задолбал уже… Может, в тюрьму отправим?

– Дед, в тюрьму хочешь?

– На всё воля Божия…

– Тут не Божия воля, а моя!

– Как Господь управит…

– В тюрьме уже сепаров сажать некуда, а мы еще дурака привезем, – говорит начальник. – Он, может, и прибился сюда, чтоб его кормили. Гоните прочь!

Откланялся Иван Ильич да и пошел дальше.

– А последний блокпост уже на границе, – рассказывает мне Иван Ильич. – Так я с ними связываться не стал и так упустил время… Обошел через Логачёву леваду и к Деркулу…

– Так там заминировано всё! – вскрикиваю я.

– Матерь Божия провела… – просто объясняет он.

Но тут же вдруг испугался своих слов, перекрестился и едва не плача шептал:

– Прости, Господи, что искушаю Тебя безрассудством своим…

Отстоял Иван Ильич престольную службу. Любят у нас Божьих людей, нанесли ему гостинцев, кто чего мог. Нагрузили – пуда полтора не меньше.

– Что ж вы, родненькие, делаете со мной?.. – плачет Иван Ильич. – Чтоб не обидеть, не могу никому отказать… И как же я всё это понесу?..

Уложили ему все приношения в две огромные сумки, перевязали их бечевой да и повесили через плечо. Как я ни отговаривал Ивана Ильича дождаться утра, нет, – ушел в ночь.

– Мне нужно к завтрашней Вечерней попасть, – оправдываясь, говорил он. – Никодим будет ждать…

А через неделю мне довелось быть в Луганске в штабе Бэтмена. Вечером, пустыми, словно вымершими улицами Жека отвез меня к отцу Никодиму.

– Где тут мой Иван Ильич?! – нарочито бодро спрашивал я.

– Так не было его до сих пор… – разводит руками батюшка. – День и ночь молимся за него.

…Пришел Иван Ильич лишь на десятые сутки. Мы сидим с ним в его крошечной кельице, в которой вмещается лишь узкая кровать с досками вместо сетки, маленький столик и стул. Вся стена увешена иконами, под образом Спасителя неугасимая лампадка. Иван Ильич крестится на икону и неспешно рассказывает о своих злоключениях:

– Вышел я тогда от тебя, а ночь такая черная – ни звездочки… Всё вокруг запеленала мгла, и стал я как слепой. Мне бы утра дождаться, а я опять искушать Господа… – качает он головой. – Решил сократить путь, вышел в поля, забрел в подсолнухи, а из них и вовсе ничего не видать. Уморюсь, сяду, посижу, а как встану – перекручусь на месте и вовсе направление потеряю. Иду, куда ноги ведут… Одно подсолнечное поле кончится – в другое воткнусь, и конца-края дороге не видно. Вот уж и рассвело, и солнце взошло, а я не пойму, где я есть. Вдруг вижу: прямо по полю след от БТРа. Ну, по протоптанному-то легче идти – пошел. А он петляет не приведи как, – то на север вильнет, то на восток, то вовсе на месте крутится. И я следом за ним виляю… Вдруг вижу: прямо в следу женщина, колесами в землю вмятая. И вроде показалась она мне знакомой, но так как сильно повреждена, не узнал её. Что делать? Не оставлять же на потеху воронью. Стал её с поля тащить. А женщина та крепенькая, так запросто её и не сдвинешь. Отнесу я свои пожитки вперед, потом за ней возвращаюсь. Так с Божьей помощью и двигаемся. Спасибо, кончилось поле. Крутенький склон в балочку, донник над землей качается, коршун в небе… Так хорошо, аж плакать хочется! Выбрал приметное место на краю ложбинки: с одного боку куст боярышника, с другого – кусток бересклета. «Хорошее место, – думаю. – Приметное». Нашел неподалеку две битых бутылки, стал ими землю ковырять, а сам, грешный, пою на память разрешительную молитву ей: «Господи Боже наш, Иисусе Христе, благодатию и щедротами Своего человеколюбия да прости Ты чадо, имя которой знаешь, и отпусти все грехи ея…»

Пока выдолбил ямку, пока схоронил – вот уж солнышко закатилось. Куда в ночь идти?.. Опять заблукаю. Решил остаться до света. Достал из сумочки пирожочки, которые понаклали в дорогу, подкрепил тело, помянул рабу Божию да и заночевал рядом с бугорком. А как солнышко выткнулось, встал, помолился да и пошел дальше. Вышел на дорогу – машина с солдатами едет. Давай им махать:

«Люди добрые, скажите, иде я есть?»

«А ты кто такой?»

«Раб Божий Иван Ильич…»

Схватили они меня за гриву да и кинули в кузов. Довезли до какого-то села. Танков там, градов – ступить некуда, и всё погорелое, покореженное. Завели меня в старый коровник, там у них навроде как штаб. Давай мне допрос учинять. Хватили за бороду, треплют во все стороны:

«Это ты, скотиняка, навел?!.»

«Жалкие вы мои, да как же я мог навести на вас, ежли никогда не бывал здесь и о вас не слыхивал даже?..»

А те бьют и спрашивают, бьют и спрашивают, – кто я и зачем тут. Кто я есть – называюсь, а зачем я здесь – сам не знаю. Опять лупят. Раздели донага, всё барахлишко перетрусили – ничего не нашли. Ладно, дальше треплют. И опять всё сызнова: кто я, да зачем шляюсь тут. А я им всё честно и признаюсь, что по недоразумению заблудил в эти края. Не верят. Подходящей тюрьмы для меня не нашлось – кинули

в порожнюю навозную яму, стали начальство ждать. День ждут, два, – никто не едет по мою душу. Молюсь, славлю Господа. Как спасение свое пою псалмы Давида. Ребята, которые по призыву, те ничего, не замают меня, а были там еще, кто из добробатов, те цеплялись… Особенно трое… Дня не проходит, чтоб они не явились. Выпьют винца – достают меня.

«Давай исповедуйся. Сепар?»

«Раб Божий…»

«Кто тебя послал к нашей базе?»

«Меня, грешного, ч…ти сюда занесли», – признаюсь я.

«А не боишься, что тебя расстреляем сейчас как шпиона?»

«На всё воля Божия».

«Приятно, когда меня богом считают, – смеется один. – Как решу, так и будет! Решу расстрелять – расстреляю…»

«Это как Господь тебя надоумит…»

Поколотят они меня, попинают, кинут снова в яму, а на другой день сызнова приходят состязаться со мной. Опять достают, опять треплют…

Вспомнились мне все плачи Давидовы, взываю к Небесам:

«Услышь меня, Боже, правды моей, дай в тесноте мне простор, помилуй и услышь молитвы мои. Помилуй мя, Господи, ибо я немощен…»

«Что, сепар, под святого косишь?»

И давай колотить. А как уморятся пинать меня, я им говорю:

«Не святой – грешник, такой же, как вы, может и хуже. Вы не знаете, что грешите, а я знаю и грешу…»

«Что ж ты такого накуролесил, хрен старый?»

«Грех он разный бывает, – вразумляю их. – Не делом, так мыслью согрешишь… Вашему разуму это недоступно».

«Ах, ты нас за дураков держишь?..» – и опять лупят.

«Мы, по-твоему, не Богу служим?..»

«Богу служат со страхом и радуются с трепетом».

«Блаженный?»

«Блаженны все уповающие на Господа своего».

«Ты нам зубы не заговаривай. Считаешь, что там за Донцом все праведники, а мы грешники? Так?»

«Все мы из одного рода и мало чем отличаемся в распутствах своих. Но не они пришли к вам, а вы к ним…»

«Здесь Украина, и мы освобождаем её от москальской мокши!» – кричат.

«Каждый, убивающий брата своего, придумывает себе оправдание. Для тех, кто за Донцом, всё до Днепра и далее – Россия. Что ж теперь, поубивать друг друга?..»

«Точно – сепар! – кричит один. – Проговорился!»

И опять по сопатке мне… А я утрусь и свое им толкую:

«Какой же я сепар, когда каждую душу оплакиваю?..»

«Ты бы свою оплакал! А ну, пой гимн Украины!»

«Я только Господу гимны пою».

Побили так, что не помню, как в яму упал. Слышу:

«Ну как там, мягко шмякнулся? Господь подстелил соломки?»

– Вот же сволочи!.. – восклицаю я.

– Да нет, они ребята обыкновенные, – неожиданно заступается за своих мучителей Иван Ильич. – Это вино дурное. Выпьют – оно и прет из них…

– А пьют каждый день…

– Не просыхают, – вздыхает старик. – Беда… Иной раз и не бьют, а лучше б побили… Возьмут какую-то дощечку да и пульнут на голову собачье дерьмо, потом хохочут до слез. А я:

«Помилуй мя, Господи, воззри на страдание мое от ненавидящих меня. Помилуй их, Господи, и прости им всю немощь их… Зачем вы тираните меня, добрые люди?»

«Хочешь избавиться от страданий? Тогда одна дорога… Ну, гимн Украины с твоими мозгами не выучить, – легче предлагаем: каждый раз, как мы будем идти у ямы, будешь орать: „Слава Украине!“ и „Героям слава!“ Справишься?»

«Славу только Господу поют», – говорю им.

«Ну, тогда вот тебе твое избавление», – и кидают в яму веревку.

«Напрасно, – говорю, — искушаете душу мою, ей не тесно в шкуре моей».

«Посмотрим, что ты через пару дней запоешь! Тут не такие сидели, – и гимн пели и „Слава Украине!“ орали».

«Иов и Христос не такое терпели, и я с Божьей помощью одолею…»

Неделя прошла, а может, и больше, услышал Господь мои молитвы, и приезжает тот самый начальник, который раньше меня отпускал, когда я только на престол шел.

«Что тут у вас?»

«Шпиона поймали в полях, недалеко от базы».

«Ну, и что он?..»

«Поет…»

«Катюшу?»

«Поет: „Послухайте мене: страху Господню научу вас…“»

«Во как?!.»

Подошел, глянул:

«Раб Божий?»

А я как обрадуюсь ему! Плачу, кланяюсь и всё соглашаюсь:

«Раб Божий, раб Божий, раб Божий…»

«Не унываешь?»

«А чему унывать – за всё – слава Богу! Господь прибежище мое во времена скорби».

«Ну и что с тобой делать теперь?»

«Как Господь подскажет…»

Усмехнулся, обернулся к своим:

«Вывезите прочь, чтоб не смердел тут, и расстреляйте», – сказал так и пошел дальше.

Посадили меня в машину, везут и везут, Бог весть куда. Со мной двое ребят сидят, те, что по призыву – «гы» да «гы» всю дорогу. А я наставляю их:

«Вы, ребята, не злословьте, бойтесь Господа, ибо он взыскивает за кровь и не забывает вопля угнетенных».

«Ничего себе, дед загинает!» – опять смеются.

«Это не я – Давид пророчествовал… Вы, как дело справите, меня лицом на восток положите, чтоб всё по правилам было…»

Те пуще хохочут, мол, не сомневайся, раб Божий, – расположим как надо.

Смотрю на этих ребят: «Такие молодые и будут из-за меня грех нести». Жалко их стало, шепчу молитвы о спасении душ ихних. А те думают, что я о себе хлопочу – знай смеются.

Вот угадываю – знакомые места замелькали. Въезжаем в Станицу. Стали.

«Вылезай», – говорят.

«Здесь, что ли?..»

«А чем тебе здесь не нравится?» – смеются.

«Да людно…»

Опять хохочут:

«А ты, дед, что, смерти не боишься?»

«А чего ее бояться? Обычное дело…»

Посмеялись они, свернули с дороги и уехали Бог весть куда. А я постоял, пождал – нет их. И только тут догадался: тот военный начальник, который избавил меня от плена, хотел меня напугать напоследок расстрелом. «Вот же глупый человек! – в сердцах думаю я. – Бедный и несчастный, всех по себе меряет… Прости его, Господи».

Перекрестился да и потелепал через Донец – и вот он я…

– Сейчас едем в прокуратуру ЛНР, – говорю я как о деле уже решенном.

– Зачем? – теряясь, спрашивает Иван Ильич.

– У судмедэксперта задокументируем все твои побои.

– Для чего?

– Для будущего суда!

– Эх, Сашка! – вскрикивает, досадуя, Иван Ильич. – Только один праведный Суд – у Господа. А Ему не нужны ни справки, ни ходатайства. У Него и без них всё отмечено, и без наших подсказок Он воздаст каждому по делам его…

Вдруг спохватившись, Иван Ильич обнимает меня и зачем-то просит прощения:

– Прости меня, дорогой. Прости ради Бога, что нагрузил тебя… Это всё от слабости человеческой выплеснулось…

И тут же, словно забыв обо мне, падает на колени, отвешивая земные поклоны, молит о чем-то Спасителя, и по щекам его катятся детские счастливые слезы.

9 мая 2026 года

Опубликовано с согласия автора

Источник текста: https://vetrovo.ru/

Под сенью Божия пророка

Продолжение. Начало в № 6, 7, 2026

В конце XIX – начале XX веков наблюдается неуклонный рост численности населения села Карабинского и окружающих земель. Если по данным ведомости 1870 года в селе был 61 двор с 407 жителями, то согласно «Списку населенных мест Томской губернии за 1878 год», насчитывалось уже 88 дворов и 660 жителей. По аналогичному справочнику за 1899 год в селе было 272 двора и 1757 жителей. В 1902 году из Енисейской волости выделена Новиковская волость, и село Карабинское вошло в ее состав.

К этому же времени стал актуальным вопрос о строительстве нового храма, соответствующего возросшим потребностям карабинцев и их соседей. Новый Пророко-Илиинский храм был возведен в 1907 году, о чем нам сообщают справочные книги по Томской епархии. В начале XX века храмы в России, как правило, строились уже не самими прихожанами, а путем подряда и по определенному проекту. В данном случае подрядчиком выступил известный бийский храмостроитель Архип Александрович Борзенков.

С 1 января 1913 года Карабинское в свою очередь стало волостным селом – соответствующее решение было принято Томским губернским правлением в декабре 1912 года. В состав новообразованной Карабинской волости, согласно сообщению «Томских губернских ведомостей», вошли селения: «Карабинское, Ненинское правобережное, Ненинское левобережное, Соломатино, Леконцево, Ново-Ажинка, Федорово, Белкино, Ажинка, Вятка, Позвозина, Сайдып, Нижне-Ненинка, Акатьева и Салтон с назначением местопребывания волостного правления в селе Карабинском». По данным «Справочной книги по Томской епархии за 1914 год», на Пророко-Илиинском приходе насчитывалось уже 6645 прихожан обоего пола (с учетом жителей приписанных к храму населенных пунктов).

Кроме храма пророка Божия Илии, в карабинский приход входили два молитвенных дома: святых апостолов Петра и Павла в деревне Ненинка, возведенный в 1897 году, и Всех Святых в деревне Нижне-Ненинской, 1889 года постройки, а также часовня в деревне Ажинской (ныне село Старая Ажинка). Карабинские священники – Василий Колмаков и рукоположенный в сан пресвитера 21 декабря 1906 года Андрей Сокольский – ездили по этим деревням для совершения богослужений. Отец Андрей не оставлял занятия в церковно-приходской школе: постановлением Епархиального училищного совета от 26 февраля 1910 года ему была выражена признательность с выдачей удостоверения за успешную работу. На следующий год в школе появились новые педагогические кадры – учителя Таисия Студенская и София Пальмова – из священнических семей. Обе окончили Томское женское епархиальное училище, открытое в 1884 году преимущественно для обучения дочерей священнослужителей.

Новые кадры оправдали оказанное доверие: постановлением епархиального училищного совета от 8 декабря 1911 года «за заслуги по церковно-школьному делу выражена признательность от имени совета, с выдачей о том удостоверения учительницам карабинской церковной школы Таисии Студенской и Софье Пальмовой».

От школы села Карабинского тех времен до нас дошло два документа, размещенных в экспозиции Солтонского районного краеведческого музея. Оба хорошо сохранились, их можно полностью прочитать: это свидетельство об окончании школы и похвальный лист, выданные ученику Ивану Яковлевичу Аксенову. Свидетельство на красивом цветном разрисованном листе выдано в 1913 году, когда в России торжественно отмечали 300-летие Царствующего Дома Романовых. Наверху листа – портрет Государя Николая II, справа и слева – портреты императриц Марии Фёдоровны (вдовствующей), матери Николая Александровича, и Александры Фёдоровны, его супруги. Под портретом Государя – его сын, наследник престола цесаревич Алексей. По краям листа помещены портреты Русских царей и цариц династии Романовых, правда, не всех: Михаила Фёдоровича, Алексея Михайловича, Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I, Александра I, Александра II, Александра III. Внизу листа двуглавый орел – герб Российской державы – и две даты: 1613 год и 1913 год и два изображения: Ипатьевский монастырь в городе Кострома, откуда Михаил Романов был призван на царство в 1613 году, и Московский кремль. В свидетельстве написано: «Сын крестьянина

Николай Богданов-Бельский. Ученицы. 1901 г. Х., м. Художественный музей им. А.Н. Радищева. Город Саратов. Источник изображения: https://gallerix.ru/

села Карабинского Бийского уезда Томской губернии Иоанн Яковлев Аксенов, по исповедным росписям церкви села Карабинского за 1912 год ему значится одиннадцать лет, успешно окончил курс в Карабинской одноклассной церковно-приходской школе, в чем и выдано ему от Бийского уездного отделения Томского епархиального училищного совета сие свидетельство, с приложением казенной печати. 1913 года августа 21 дня». Ниже стоит подпись: «председатель отделения епископ Иннокентий».

Второй документ из Карабинской школы – «Похвальный лист», выданный в тот же день – 21 августа 1913 года. По периметру документа также размещены изображения, посвященные 300-летию Дома Романовых: портреты государей, значимые события истории России, здания Московского университета и Академии художеств в Петербурге и общие виды двух столиц. В тексте листа читаем: «по постановлению Бийского отделения Томского епархиального училищного совета дан сей похвальный лист ученику Карабинской одноклассной церковно-приходской школы Иоанну Яковлеву Аксенову за благонравное поведение и отличные успехи в науках. Город Бийск Томской губернии. 1913 года месяца августа 21». Подпись: «председатель Бийского уездного отделения Томского епархиального училищного совета епископ Иннокентий».

Как сложилась дальнейшая судьба этого отрока Ивана, выпускника Карабинской школы 1913 года? Бог весть…

Интересный рассказ о Пророко-Илиинском храме в селе Карабинском содержится в отчете Алтайской духовной миссии за тот же 1913 год. Летом указанного года епископ Бийский Иннокентий, который одновременно являлся начальником Алтайской миссии, предпринял поездку по миссионерским станам и епархиальным приходам Бийского уезда. Во время поездки владыка Иннокентий вёл дневник, вошедший в отчет миссии. 21-22 июля (по старому стилю, что соответствует 3-4 августа по новому стилю), епископ с сопровождающими посетил село Карабинское.

Похвальный лист ученика Карабинской одноклассной церковно-приходской школы Иоанна Аксенова, выданный 21 августа 1913 года. Солтонский районный краеведческий музей. Фото автора

По сложившейся традиции, владыка служил вместе со священниками Пророко-Илиинского храма вечернюю службу, а на следующий день Божественную литургию. На ночлег останавливались у настоятеля – отца Василия Колмакова. Обратимся непосредственно к дневнику:

«Храм села Карабинского, построенный в 1907 году на средства прихожан – один из лучших по округу, по своей обширности и благоукрашению, – пишет епископ Иннокентий. – Каждый из прихожан, по мере своих средств, жертвовал на сооружение и украшение сего храма. На колокол же, в 106 пудов (*1736 килограммов. – прим. авт.*), главная жертва поступила от местной крестьянской вдовы Власовой, а именно 1 100 рублей. И это пожертвование случилось при следующих обстоятельствах: четыре года тому назад вдова сия жила с мужем на заимке. Грабители, зная хорошо их состоятельность, нападают на них ночью врасплох и начинают пытать старика: колоть его острым орудием, бить по голове, требуя указания места нахождения денег. Старик умирает под пытками, не открыв злодеям нужного им. Тогда напавшие с теми же пытками приступают к старице. Но сия, воспользовавшись каким-то случайным замешательством своих мучителей, выбегает на улицу и скрывается в ближайших кустарниках. Казалось бы, всё было потеряно для хищников. Но в доме оставался еще мальчик-работник, и злодеи не постыдились поднять свои окровавленные руки и на сего малыша. Мальчик не выдержал и указал на хлебный амбар, где злодеями в хлебном зерне и найдено было 2 000 рублей, коими они воспользовались. Однако у старика еще было зарыто на пасеке 21 с половиной тысяча золотом. Эти деньги остались целы и поступили в наследство старице. Из них-то она, благодарная Господу Богу за свое спасение, и пожертвовала на колокол вышеозначенные 1 100 рублей. Злодеи оказались крестьянами одной из деревень, пойманы и сосланы на каторгу. Ещё не успели забыть здесь этого злодеяния, а вот уже и новое на лицо. В этот самый день, ранним утром, три хулигана напали на сборщика денег винных лавок, ранили его смертельно выстрелом из ружья, а также и лошадь-пристяжку. Но эта последняя сначала сгоряча так сильно бежала вместе с коренником, что пешие хулиганы не могли догнать убегавшего ямщика с его умиравшим пассажиром. Правда, раненая лошадь скоро пала мертвою. Но ямщик-солдат не растерялся: отрезал ножом постромки и на одном коне добрался до деревни. Раненый скоро

Преосвященнейший Иннокентий, епископ Бийский (Соколов). Начало XX в. БКМ

умер, но собранные им деньги остались целы. Последних злодеев некоторые люди, например, волостной писарь и ямщик, заметили в лицо, а потому есть надежда, что и эти разбойники скоро будут преданы в руки правосудия. Но где скрывается причина всех этих злодеяний: не в пьянстве ли народном бесшабашном, от которого не свободны и насельники Карабинского села, в чем лично мы убедились, приехавши сюда на второй день престольного праздника (Ильина дня), и заставши здесь многое множество пьяных, разъезжающих по улицам с песнями и гармонией? Это безобразие продолжалось и на третий день, причем местная винная лавка за все три дня выручила более 2 000 рублей. Слава Богу еще за то, что народ здешний не совсем забыл Бога. Вот выстроили, как сказано нами выше, благолепнейший храм на свои средства да и посещают его, по словам настоятеля, очень усердно. Да послужит же то и другое спасению их!»

Сергей Аснис
Фотографии в рубрику предоставлены автором

Продолжение следует

Мой любимый дедушка

Мой дедушка, Горельников Исай Борисович, родился 27 сентября 1905 года в уездном городе Змеиногорске Томской губернии. О его родителях известно очень мало. Отец служил приказчиком у одного из купцов родного города. В семье было шестеро детей: три сына и три дочери.

Когда в России началась революция, дедушке шел двенадцатый год. Купец, у которого служил Борис Горельников, после поражения белых армий в Гражданской войне решил эмигрировать. Он поехал вслед за отступающими белыми в сторону Казахстана, позвал за собой и Бориса с семьей. По дороге Борис заболел и внезапно умер. Жена и дети остались в Семипалатинске (нынешний город Семей). О своих родных и о том, как они оказались в Казахстане, дедушка никогда ничего не рассказывал. Эти крупицы семейной истории стали известны только в 2009 году от одной из родственниц со стороны Горельниковых.

Для того чтобы Исай смог выучиться, мать продала свою шубу и на вырученные деньги отправила сына в город Томск, где он поступил в Томский политехникум и успешно закончил его в 1924 году по специальности «зоотехник». Окончив обучение, остался работать в этом же техникуме (в 1930 году преобразованном в зооветеринарный техникум) преподавателем, обучал в основном студентов заочного отделения. Здесь же он познакомился со своей будущей женой, моей бабушкой, Ольгой Ивановной Башковой, которая работала секретарем. В 1933 году они поженились.

Иван Венедиктович и Матильда Ивановна Башковы. Начало 1900-х гг.

На 1937 год пришлась волна массовых репрессий в нашей стране. Эти события не обошли и дедушку. В 1937 году он исполнял обязанности директора техникума, в семье уже было трое детей: дочь Роза, сын Лев и младшая дочь Эмма, которой было меньше года. Деда Исая и еще нескольких преподавателей арестовали в декабре 1937 года непосредственно на рабочем месте.

В 2004 году я ознакомилась с делом по обвинению Горельникова Исая Борисовича, хранящемся в архиве ФСБ по Томской области. Дело

Коллектив Зооветтехникума. Исай Борисович Горельников – в центре; во втором ряду, слева – Ольга Ивановна Башкова. Город Томск. 1932 г.

начато 22 декабря 1937 года. Это достаточно толстая папка с документами: протоколами допросов, справками, актами, показаниями свидетелей – всего порядка двухсот страниц. Главное обвинение, предъявленное дедушке – «принадлежность к контрреволюционной правотроцкистской организации, ставившей своей целью свержение советской власти и реставрацию капитализма в СССР, обработка в контрреволюционном духе окружающих его лиц, их привлечение в подпольную организацию». Этапом дедушку перевели в город Новосибирск. Через какое-то время сменился следователь, и дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Исай Борисович чудеснейшим по тем временам образом вернулся домой весной 1939 года. Сведения о дедушке также содержатся в сборнике о репрессированных в Томской области «Боль людская», составленном томскими исследователями. После ареста дедушка не смог вернуться в техникум, а устроился работать в Томское русское педагогическое училище сначала инструктором заочного отделения, а потом стал помощником директора по заочному обучению.

В 1941 году началась война, дедушка продолжал работать там же, его не мобилизовали. В октябре 1942 года заочное отделение сократили, дедушку освободили от занимаемой должности. Тогда вся семья: Исай Борисович, Ольга Ивановна, трое детей и мама Ольги Матильда Ивановна – решила переехать в сельскую местность, в бывшее подсобное хозяйство зооветтехникума, в поселок Степановка недалеко от Томска. Там дедушку назначили зоотехником. В этом подсобном хозяйстве проходили практику студенты, которых раньше учил Исай Борисович, и его хорошо знали.

3 февраля 1943 года дедушку призвали в Красную армию.

Повседневность войны – страшное словосочетание. Это когда война каждый день, с ней живешь и просыпаешься, и что будет дальше – неизвестно. Помогала только вера в будущее и Победу. Как жили люди в это страшное время? Как в 1941 году изменилась жизнь миллионов советских граждан?

Когда началась война, баба Оля устроилась работать на подшипниковый завод № 5 в городе Томске. Работали очень много, добираться на завод было далеко, и многие оставались ночевать на работе, в том числе и баба Оля. Завод выполнял военные заказы, и просто так уволиться с него было нельзя. Только когда дедушку забрали на фронт, баба Оля смогла устроиться

Исай и Ольга Горельниковы. 8 апреля 1934 г.

на новую работу. Во время войны хлеб выдавали по карточкам, и бабе Оле надо было получить карточки в городе и привезти в Степановку, раздать всем жителям. На одну хлебную карточку рабочего давали примерно 400 граммов хлеба, иждивенцам – меньше. Однажды, когда баба Оля возвращалась с карточками домой, на нее напали и хотели отобрать сумочку с документами, баба Оля кое-как отбилась. Раздавать карточки было очень ответственным делом: если их не доставить, целый поселок остался бы без хлеба.

В годы войны и всё послевоенное время Матильда Ивановна жила вместе со своей дочерью Ольгой и ее большой семьей. Исай Борисович был на фронте, а она сама сделала из досок санки и всю войну в любую погоду ездила в лес, пилила дрова и возила их на себе. На ее плечи легла и другая работа: копать огород, сажать картофель и другие овощи. Во время войны у сына деда Исая, Льва, начали отниматься ноги, врачи посоветовали козье молоко. Матильда Ивановна завела коз, козьим молоком и спасли ребенка от болезни, а, возможно, и смерти.

В войну не было электричества в школе, занимались при свечах, электроэнергия появилось только в 1945 году. В школе, в которую ходили старшие дедушкины дети, топили печи, но всё равно было холодно. В морозы сидели в одежде, а на переменах учителя играли с детьми в подвижные игры, чтобы они не замерзали. Были уроки военного дела: изучали строевую подготовку, противогаз, разбирали винтовки. Радио не было, редкая газета попадала в школу, и тогда узнавали о событиях на фронте.

Про войну дедушка не любил рассказывать. Уже только когда появились внуки, то по их просьбе дедушка хоть что-то начал вспоминать. Большинство участников Великой Отечественной почти ничего не рассказывали до той поры, как их самые страшные воспоминания утратили прежнюю остроту. Наградами они тоже не хвастали. Да и не принято было во всеуслышание говорить о венных заслугах. После войны все были с наградами, и каждый мог рассказать о своих малых или больших подвигах.

По данным военного билета Исая Горельникова, выданного в 1948 году Томским городским военкоматом, он служил номером орудийного расчета в истребительно-противотанковом артиллерийском подразделении в звании рядового. Воинская часть – 7-я гвардейская воздушно-десантная бригада 16-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. По воспоминаниям Исая Борисовича, дивизия дислоцировалась

под Москвой, где бойцы учились прыгать с парашютом. В декабре 1944 года она была переформирована в 106-ю гвардейскую стрелковую дивизию и в феврале 1945 года сосредоточена в Венгрии, восточнее города Будапешт. Бригада, в которой служил Исай Борисович, стала 351-м гвардейским стрелковым полком. В марте дивизии предстояло принять участие в Венской наступательной операции в составе 38-го гвардейского корпуса 9-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта.

Одно из сражений, как вспоминал Исай Борисович, происходило на венгерском озере Балатон. Вода в нем была красной от человеческой крови.

16 марта началась наступательная операция, за участие в которой рядовой Горельников получил медаль «За боевые заслуги». В приказе по полку отмечено, что номер 45-мм орудия гвардии красноармеец Горельников Исай Борисович был награжден «за то, что при прорыве обороны противника 16.03.45 г. в районе Чекберень из своего карабина он уничтожил снайперское гнездо и одного автоматчика».

45-миллиметровая пушка, прозванная в армии «сорокапяткой», предназначалась в основном для борьбы со средними и легкими танками противника, но применялась и против пехоты, для чего была снабжена осколочными гранатами и картечью. В качестве личного оружия артиллеристам полагались карабины, созданные на базе винтовок, но значительно короче, чтобы не мешать выполнению расчетом основной боевой задачи.

Вот что написано в журнале боевых действий 38-го гвардейского стрелкового корпуса применительно к тем дням: «15.03.45 г. соединения корпуса продолжали подготовку к прорыву обороны противника, приводили части в порядок, пополнялись боеприпасами… 16.03.45 г. в 15.00 после 60-минутной артподготовки корпус перешел в наступление. Стремительным ударом 106-й гв. сд корпус сломил упорное сопротивление противника в первой и второй траншеях, к 15.30 овладел ими и, развивая успех в направлении Чекберень, к 16.20 завязал бой на его восточной окраине с сильно укрепившемся в нём противником. К 17.00 охватом с северо-запада и юго-запада 351-й гв. сп овладел населенным пунктом Чекберень, вышел на его западную окраину,

Семья Горельниковых с родственниками. На руках у Исая Борисовича – сын Лев, рядом с Ольгой Ивановной – дочери Эмма и Роза. Город Томск. 1939 г.

где и закрепился, очищая одновременно от противника лес севернее села».

После марта венгерские названия населенных пунктов в журнале боевых действий 38-го гвардейского стрелкового корпуса сменяются немецкими: войска 3-го Украинского фронта вошли на территорию Австрии. В первых числах апреля корпус вел бои к западу от города Вена. Здесь, на подступах к австрийской столице, 7 апреля Исай Борисович получил тяжелое ранение в ногу.

Как он впоследствии вспоминал, было какое-то затишье. А кругом – горы, весна, красота, зелень! И вдруг произошел взрыв. Врач, извлекавший осколки из ноги, сказал, что самый большой осколок чудом не задел артерию, благодаря чему дедушка остался жив. Осколок он сохранил на долгие годы и иногда показывал его по просьбе внуков.

Когда дедушка лежал в госпитале в Венгрии, местные жители подкармливали раненых солдат, приносили фрукты. Молодые солдаты на фронте и в госпитале уважительно называли Исая Борисовича отцом. Как я думаю, не столько из-за возраста, сколько благодаря отеческому отношению к ним с его стороны.

Самый главный подвиг во время войны – остаться человеком, не поддаться унынию, продолжать жить, строить планы на будущее. Этот ежедневный подвиг люди совершали благодаря своей вере в Победу.

Вернулся дедушка с войны под новый 1946 год, потому что пролежал в госпитале после ранения. По воспоминаниям Льва Исаевича, его старшего сына, было это так. Дядя Лева был в школе, писал какую-то контрольную работу. Когда закончил писать, к нему подошла учительница и сказала, что папа вернулся с войны, можно уйти с уроков. Дядя Лева побежал домой. Сын после нескольких лет разлуки не сразу узнал отца – на кухне сидел какой-то незнакомый мужчина в шинели. Он сказал: «Лева, сынок, иди сюда!» Подозвал Леву к себе, усадил на колени и заплакал.

Хотя баба Оля не была на фронте, у нее тоже были награды: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и орден «Материнская слава» III степени, врученный в более позднее время за рождение и воспитание семерых детей...

Мария Рачилина
Фотографии и документы в рубрику предоставлены автором

Продолжение следует

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ
Серия АИ № 957370
Фамилия Горельников
Имя и отчество Исай Борисович
Год рождения 1905
Личная подпись владельца Горельников
Выдан Томским (Томской обл.) городским военным комиссариатом
"14" апреля 1948 г.
За п. Начвоенкома капитан
(Подпись: звание, фамилия)

I. Военно-учетные сведения

1. Год рождения	1905
2. Отметка о категории учета	Запас Первой (прописью) категории
3. Группа учета	СВ.
4. Состав	Солдат
5. № военно-учетной специальности	6
6. Наименование военно-учетной специальности	артиллерист истреби... артиллерист
7. Наименование должностной квалификации	орудийный номер
8. Военное звание	рядовой

1 1

Военный билет Горельникова Исая Борисовича, выданный Томским ГВК 14 апреля 1948 г.

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Иван Литвинов

Дорожное происшествие на Льва Толстого

Памяти схимонахини Серафимы (Бородиной) посвящается

Этот курьезный и весьма поучительный случай произошел весной 1930 года. О нём в свое время мне поведала одна из старейших жительниц города Бийска, жившая тогда на улице Льва Толстого, между Троицким собором и лесозаводом. В этом районе, который бийчане называют сегодня старым центром, прошли ее детство и юность. Память почтенной рассказчицы в деталях сохранила то далекое происшествие, непосредственной участницей которого ей довелось побывать.

Своими центральными улицами наш город «славился» издавна. В 1913 году, за восемь лет до появления на свет нашей героини, томским издательством «Сибирская жизнь» были выпущены путевые очерки Вячеслава Шишкова «По Чуйскому тракту». Нашлось в них и место для описания Бийска. Впечатления от пребывания в городе начальника изыскательской экспедиции по Алтаю приятными не назовешь: «Что за бийские улицы, что за отвратительная, невообразимая грязь. Богатый, разжиревший на монгольских хлебах город, не может устроить себе сносных условий жизни. Улицы – сплошная топь... Дороги мостятся щепой, навозом, дохлыми костями, опорками, пимами. На углу домишко ломают, куда мусор валить? На дорогу; куда печку валить? На дорогу, всё втопчут в грязь. Это не улицы, а сплошные отвалы. И сколько ни составляй протоколов, протоколами дорогу не вымостишь. Надо по постным дням по всем улицам городского голову в телеге возить – авось одумается, авось догадается сделать заем да вымостить город. Граждане! Если себя не жаль, пожалейте хоть извозчичьих бедных кляч…»

За семнадцать лет, что прошли со времени посещения Шишковым Бийска, поменялась и власть, а с ней напрочь поменялся и уклад городской жизни. Мало изменились сами люди…

Схимонахиня Серафима (Бородина). 2013 г. Фото Павла Коваленко

* * * *

– А што, брат, пожалуй, и вывезет, – задумчиво изрек подвыпивший рябой мужик, с прищуром глядя на ставшую в глубокой грязной ямине лошадь.

– Ни в жизть! Нешто не знашь, как там глубоко! Потонет, – возразил рябому его собеседник, более трезво оценивающий происходящее. – Об заклад бьюсь, с телегой не вывезет! Распрягать надо.

– Ты, мил человек, чего ж сюда забрался? Правей надо было брать, – укорил возницу один

из немногочисленных зрителей бесплатного уличного представления.

– А тебя тут советчика такого умного ишшо не было, вот и зарюхался, – не полез за словом в карман сурового вида бородатый дед, явно расстроенный приключившимся с ним дорожным происшествием. – Но, давай, родимая! – в очередной раз безуспешно попытался стронуть неудачник савраску из лужи.

В следующие полчаса «родимая» превратилась в «заразу» и еще в невесть кого, но уже и распряженная, измученная кобылка храпела, билась и всё глубже погружалась в болотную вязкую жижу. Вконец отчаявшись вывести лошадь из лужи, извозившийся по уши в грязи горемыка выхватил из телеги палку и обрушил свою закипевшую через край злобу на бедное животное…

– Раз… два… три… четыре… пять! – стайка ребятишек бросилась врассыпную от закрывшей лицо ладошками невысокой девочки, начавшей звонкую скороговорку. – Я иду искать! Кто не спрятался – я не виновата!

Вадящая раскрыла свои ясные, небесного цвета глаза, внимательно оглядела переулок и, затаив дыхание, вслушалась в окружающие звуки. Привлеченная тревожным шумом, нарушившим привычное звучание улицы, она прервала игру и решительно зашагала от своих друзей. Открывшаяся с перекрестка отвратительная картина расправы над лошадью бросила девчушку в дрожь, заставила отчаянно заколотиться ее маленькое сердце и, словно ветер, понесла трепещущую от праведного гнева малявку прямо на злобного бородача.

– Дедушка, не бей лошадку, ей же больно! – закричала она что есть силы, подбегая к обезумевшему истязателю. – Не бей! – бросилась на извозчика девочка, повиснув у него на руке.

– А ну, кыш отседова! – попытался отмахнуться злыдень от налетевшей на него защитницы страдающей лошади. Девчонка не отступилась, изловчившись, она выхватила у оторопевшего от неожиданного бурного натиска деда палку и несколько раз кряду не по-детски сноровисто достала противника отнятым у него дрючком.

– Ну, Нинка что делает! – восхищенно отреагировали местные зеваки на столь значительное обострение сюжета.

От нескольких взмахов «волшебной палочки» гнев незадачливого возницы мгновенно улетучился, он неловко попятился, и краска стыда залила совсем уже нестрашное седобородое лицо немолодого человека.

– Гля-ка, покраснел как рак, – с удовлетворением отметили на галерке-обочине произошедшую в его облике перемену.

Нина (именно так звали маленькую героиню), забросив ненавистную палку на другую сторону дороги, кинулась в лужу и подобралась к лошади, которая содрогалась всем телом, всхрапывала, шумно дышала и плакала от хозяйской несправедливости и боли. Измученная кобыла доверчиво положила морду на плечо избавительницы и громко заржала.

– Теперь пойдем! Шагай, у тебя получится, ты сможешь, – начала уговаривать Нина завязшую лошадь, одновременно пытаясь помочь ей вытянуть переднюю ногу.

Безучастно смотреть на бьющихся в грязи ребенка и лошадь более никто уже не мог. Растроганно крякнули мужики и, закатывая рукава, полезли в лужу. Вдохновленная участием взрослых, детвора потащила со дворов горбыль и тесины для сооружения настила, в ход пошли камни, кирпичи и штакетник. Вскоре совместными усилиями лошадь была спасена.

Расходиться по домам не спешили. Как после всякого общего доброго дела вели доверительный, без подначек и ругани разговор. Выливали из сапог воду, выжимали рубахи, одни закуривали, другие соображали, что принять «для сугреву». Несколько мужиков помогали «потопленцу». Тот тоже уезжать не торопился. Смущенно поглядывал на окружающих, переминался с ноги на ногу, подолгу не сводил глаз с Нины, которая в сторонке наглаживала совершенно уже успокоившуюся лошадь и отвечала отказом на предложения соседских женщин помыться.

– Не надо меня мыть, лошадку лучше помойте!

– Надо же, с карахтером… Чья така бедовая? – поинтересовался возница у одной из Нининых соседок.

– Матвея Бородина, покойного, средняя дочка, – охотно ответила та.

– Матвея Федоровича? Вот значит как. Сиротка… Господи, прости меня, дурака старого! – с сокрушением вымолвил возчик.

– Ты знал его что ль?

– Да кто ж Бородина тут не знал? Знатный купец был, хороший хозяин, да и человек добрый. Магазины по селам имел, пекарню держал. Какой хлебушек был! Да… А мать где?

Продолжение на стр. 29

СИМВОЛ ВЕРЫ

О Никео-Цареградском Символе веры

Символ веры есть точное и краткое изложение вероисповедования православного христианина. Он состоит из 12 частей (членов). Он читается на церковнославянском языке, который является богослужебным в Русской Православной Церкви. Поэтому и учить, и читать его необходимо на этом языке.

1. Верую во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца Небу и земли, видимым же всем и невидимым *(по-церковнославянски)*.

Верую в единого Бога Отца Вседержителя, Творца Неба и земли, видимого же всего и невидимого *(по-русски)*.

2. И во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша.

И в единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единственного рожденного, Который рожден от Отца прежде всех веков: Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, одной сущности с Отцом, Которым всё приведено в бытие.

3. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с Небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася.

Ради нас людей и ради нашего спасения сошедшего с Небес, и воспринявшего плоть от Духа Святого и Марии Девы, и ставшего человеком.

4. Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна.

Распятого же за нас при Понтии Пилате, и страдавшего, и погребенного.

5. И воскресшаго в третий день по Писанием.

И воскресшего в третий день согласно Писаниям.

6. И возшедшаго на Небеса, и седяща одесную Отца.

И восшедшего на Небеса, и сидящего по правую сторону Отца.

7. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца.

И снова грядущего со славою, чтобы судить живых и мертвых, Его же Царству не будет конца.

8. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки.

И в Духа Святого, Господа, творящего жизнь, от Отца исходящего, совместно с Отцом и Сыном поклоняемого и прославляемого, говорившего через пророков.

9. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.

В единственную Святую, Вселенскую и Апостольскую Церковь.

10. Исповедую едино крещение во оставление грехов.

Провозглашаю вслух одно крещение для уничтожения грехов.

11. Чаю воскресения мертвых,

Ожидаю воскресения мертвых,

12. и жизни будущаго века. Аминь.

и жизни будущего века. Аминь *(истинно так)*.

Со времен апостольских христиане пользовались «символами веры» для того, чтобы напоминать самим себе основные истины христианской веры. В древней Церкви существовало несколько кратких символов веры. В четвертом веке, когда появились ложные учения о Боге Отце, Боге Сыне и о Боге Духе Святом, возникла необходимость прежние символы пополнить и уточнить. Таким образом, возник ныне употребляемый Православной Церковью Символ веры. Он был составлен Отцами первого и второго Вселенских Соборов. Первый Вселенский Собор состоялся в городе Никее в 325 году по Рождестве Христовом для утверждения истинного учения о Сыне Божием против ложного учения Ария, считавшего, что Сын Божий создан Богом Отцом. На этом Соборе были приняты первые семь членов Символа. Остальные пять – на втором Вселенском Соборе, состоявшемся в Константинополе в 381 году для утверждения истинного учения о Святом Духе против лжеучения Македония, отвергавшего Божественное достоинство Духа Святого. По названию городов, в которых собирались отцы двух первых Вселенских Соборов, Символ веры наименован Никео-Цареградским.

В первом члене Символа веры говорится о Боге Отце, далее, со второго по седьмой включительно – о Господе Иисусе Христе, в восьмом члене Символа – о Боге Духе Святом, в девятом – о Церкви, в десятом – о крещении, в одиннадцатом и двенадцатом членах Символа веры – о воскресении мертвых и вечной жизни.

Протоиерей Александр Торик

Воцерковление для начинающих

Продолжение. Начало в №№ 4–11 (2024); 1–12 (2025); 1–8 (2026)

Нужно учиться видеть окружающий мир глазами ученика Христова, соотносить свои мысли и поступки с Божьими Заповедями, в своих взаимоотношениях с близкими и чужими людьми руководствоваться главной Заповедью Любви, учащей нас не делать другим того, чего мы бы не хотели, чтобы делали нам.

Апостол Павел в Послании к жителям Коринфа пишет: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13, 1–3).

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает…» (1 Кор. 13, 4–8).

Из этих слов апостола видно, что, не имея любви, невозможно спасти душу и достичь Небесного Царства. Однако сама по себе любовь не вселяется в душу человека, если он сам не прилагает усилий для ее приобретения. Свойства любви, перечисленные апостолом, и есть путь обретения любви.

Если мы в общении с другими людьми приучаем себя проявлять терпение, милосердие, побеждаем в себе зависть и раздражение, то мы идем этим путем, и любовь постепенно наполняет наше сердце, одновременно вытесняя из него всё нечистое и укрепляя в добродетельной жизни. Поэтому мир для христианина есть не досадное препятствие на пути к совершенству души, но место и средство обретения этого совершенства.

Посмотрите на спортсменов: сколько времени и сил тратят они на изнурительные тренировки в спортивном зале, чтобы на краткий миг, стоя на пьедестале почета, получить мимолетную человеческую славу. Во сколько же раз усердней должны мы, христиане, трудиться над совершенствованием своей души, чтобы получить от Господа вечную славу в Царствии Его!

И если спортсмены специально создают и усиливают себе трудности на тренировках, отрабатывая преодолением этих трудностей свое мастерство, то нам нет нужды искусственно усиливать свои искушения: мир в достаточной мере доставляет их нам. Нужно лишь, уповая на Бога и призывая Его Всесильную помощь, всеми силами стараться преодолевать встающие перед нами искушения в соответствии с заповедями Божиими. Каждый день, каждый час, а то и каждую минуту возникают ситуации, в которых мы можем проявить как лучшие христианские качества, так и слабость своей греховной природы.

Проснулись утром, Ангел-Хранитель шепчет: «Встань на молитву». Находящаяся в рабстве у лени разнеженная плоть успокаивает помыслом: «Да полежи еще, успеешь помолиться, а не успеешь – ничего страшного. Бог милостив – простит». Пока мы выбираем, кого из них послушаться, приходит пора бежать на работу или учебу. Мы выскакиваем из дома без молитвы, недовольные сами собой, упустив данную Богом возможность испросить себе на весь грядущий день Его благословение.

Выходим из дома, нас толкает спешащий прохожий, и мы кричим ему вслед (или бурчим себе «под нос»): «Смотреть надо, куда идешь, кретин!..» И опять, вместо награды за терпение, получаем осуждение за грех гнева и злословия.

В транспорте, на работе, в семье постоянно возникают ситуации, когда мы можем либо обрести, либо потерять главное сокровище христианина – благодать Святого Духа. И только от нашей духовной собранности или расслабленности зависит, получаем мы ее или же утрачиваем.

Итак, для того чтобы наша жизнь в миру не разрушала наше единение с Богом, но способствовала его укреплению, необходимо научиться постоянно поддерживать свою душу в состоянии духовной активности. В помощь христианину, совершающему дело спасения своей души, Церковь подает средства, созданные на основе двухтысячелетнего опыта практической духовной жизни.

Главные из этих средств – молитва и пост.

Продолжение следует

Текст книги предоставлен православным порталом «Азбука веры»: https://azbyka.ru/

Окончание. Начало на стр. 25

– Мария-то? Знамо где – работает. По найму всё. С постоянной работой сейчас сам знашь как. А у ней дома, кроме Нины, еще четверо. Так-то.

– Помоги им, Господи! – выдохнул старик и направился к девочке.

– Ты прости меня, дочка! Напугал я тебя, бестолковый. Не держи на меня зла. Возьми вот хлебушка… Немного тут, правда, – сбивчиво объяснился дед, доставая небольшой холщовый сверток из котомки.

– Дедушка, и ты меня прости. Не обижаюсь я и зла не держу, но хлеб ни за что не возьму.

– А пошто так?

– Меня папа учил другим давать, а не самой брать.

– Вот значит, как… Правильно учил. Но, пошла, милая, – извозчик чуть тронул вожжи, и кобылка послушно потянула телегу.

– Дед, погоди! Палку твою принесть? – крикнул вдогонку озорной мальчуган.

– Нет уж, я теперь без ее обойдусь! – раздался ответ. – Пущай она при дороге нашему брату в урок полежит, – усмехнулся в бороду старый возница.

Нина какое-то время глядела вслед удаляющейся повозке, затем решительно развернулась и побежала к дому, где ее с нетерпением ждали Тоня, Галя и Петя, которые так нуждались в старшей сестренке. К счастью, до вечера оставалось предостаточно времени, и можно было успеть совершить множество добрых дел.

С утра начнется следующий день, за ним еще и еще. И сложатся дни в годы и десятилетия подвига и трудов, и разделит повзрослевшая Нина со своим Отечеством и народом заботы будней и радости праздников, познает горечь поражений и ликованье Победы, переживет тяжесть утрат и счастье свершений…

Улицу Льва Толстого на этом участке все-таки замостили. Правда, не сразу, а лет через пять после описанного события и не без участия Нины. Как не обошлись без участия жительницы Бийска Нины Матвеевны Бородиной многие большие и малые городские дела. Но это уже другие истории…

12 августа 2026 года старейшая жительница города Бийска, участница Великой Отечественной войны схимонахиня Серафима (Бородина) на сто шестом году жизни завершила свой земной путь. Вечная ей память!

Схимонахиня Серафима (Бородина) в год 65-летия Великой Победы. Май 2010 г. Фото Ивана Литвинова

Внимание: конкурс!

С 1 сентября 2026 года Издательский Совет Русской Православной Церкви начал прием работ для участия в XIII сезоне Международного детско-юношеского литературного конкурса имени И.С. Шмелева «Лето Господне». Конкурс проводится по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла Издательским Советом.

Творческие работы принимаются до 10 декабря. Участники конкурса распределяются по трем возрастным группам: 6-7 классы, 8-9 классы, 10-11 классы. Участниками конкурса могут быть учащиеся (студенты) образовательных учреждений среднего (полного) общего и среднего профессионального образования (школ, гимназий, колледжей, лицеев и т.п.) любой организационно-правовой формы, а также воспитанники воскресных школ, учреждений дополнительного образования и иных образовательных учреждений не старше 18 лет.

Подробно ознакомиться с условиями участия в конкурсе, темами работ и принять участие можно по ссылке: https://www.letogospodne.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

Архиерейское служение. «Сия есть заповедь моя…» ... 3
Без страха смерти ... 4
Иван Литвинов. Путеводительница. *Продолжение* ... 5
Творческая мастерская. Александр Можаев. Раб Божий Иван Ильич ... 9
Вести из округов. Сергей Аснис. Под сенью Божия пророка. *Продолжение* ... 16
Бессмертный полк. Мария Рачилина. Мой любимый дедушка ... 20
Непридуманные истории. Иван Литвинов. Дорожное происшествие на Льва Толстого ... 25
Символ веры. О Никео-Цареградском Символе веры ... 27
Протоиерей Александр Торик. Воцерковление для начинающих. *Продолжение* ... 28

На обложке 1: Поклонный крест в память о погибших воинах Специальной военной операции. Территория Успенского кафедрального собора города Бийска. 22 августа 2026 г. Фото Сергея Доровских.

На обложке 2: Преосвященный Серафим, епископ Бийский и Белокурихинский, на освящении поклонного креста. 22 августа 2026 г. Фото Сергея Доровских.

На обложке 3: Исай Борисович Горельников. Фронтовое фото 1944 г. Иллюстрация к рубрике «Бессмертный полк», стр. 20–24. Фото из семейного архива Марии Рачилиной.

На обложке 4: Свидетельство об окончании одноклассной церковно-приходской школы, выданное жителю села Карабинского Иоанну Аксенову 21 августа 1913 года. Иллюстрация к рубрике «Вести из округов», стр. 16–19. Солтонский районный краеведческий музей.

Одобрено Синодальным отделом по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ
Свидетельство № 331 от 15 сентября 2021 г.

Журнал «Бийские епархиальные ведомости»
№9 (81) (сентябрь) 2026. Дата выхода номера: 15 октября 2026 года. Тираж 999 экз. Цена договорная.
Учредитель – Бийская епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат).
Главный редактор – Преосвященный Серафим, епископ Бийский и Белокурихинский.
Редакционная коллегия:
Исполнительный редактор – Иван Литвинов,
иерей Георгий Степанищев, руководитель отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ,
Павел Коваленко, кандидат исторических наук, директор Музея истории Алтайской духовной миссии.
Компьютерная верстка – Константин Шипулин.
Корректор – Татьяна Сизинцева.

Адрес редакции:
659300, Алтайский край, г. Бийск, ул. Советская, 13,
тел. 8(3854)30-26-58.
Эл. почта: biysk.eparhia-sinfo@mail.ru
Издатель – Отдел Бийской епархии по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ.
Отпечатано – РОАК ОООП «ОЛС»
659333, Алтайский край, г. Бийск, пер. Муромцевский, 2.
Редакция может не разделять точку зрения авторов публикуемых материалов, не дает гарантии опубликования присылаемых материалов,
не рецензирует и не возвращает их.
Уважаемые читатели!
Убедительно просим вас не использовать настоящее издание для хозяйственных целей.

Свидѣтельство.

Сынъ крестьянина села Карабинского Бійского уѣзда Томской губерніи Іоаннъ Яковлевъ Аксеновъ, по исповѣдными росписямъ церкви села Карабинского за 1912 годъ ему значится одиннадцать лѣтъ, успѣшно окончилъ курсъ въ Карабинской одноклассной церковно-приходской школѣ, въ чемъ и выдано ему отъ Бійскаго Уѣзднаго Отдѣленія Томскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта сіе свидѣтельство, съ приложеніемъ казенной печати.

№ 193

Уѣзднаго Отдѣленія.

1913 года Августа 21 дня.

Предсѣдатель Отдѣленія Епископъ Иннокентій

Члены Отдѣленія

Эк. Конгровъ [illegible] Н. Рябуш[illegible]